

Джон Марстон

Недовольный

Перевод [В. С. Макарова](#)

От переводчика

Трагикомедия «Недовольный» (*The Malcontent*) была впервые поставлена в 1603 г. на сцене крытого лондонского театра Блэкфрайерс детской труппой Хористов Королевской часовни (The Children of the Chapel Royal). Пьеса имела такой успех, что через год ее адаптировала для большой сцены труппа Слуг Его Величества (King's Men). На сцене «Глобуса» главную роль играл [Ричард Бербедж](#), а в одной из второстепенных мог быть занят [Шекспир](#). Для новой постановки [Джон Марстон](#) и [Джон Уэбстер](#) добавили несколько новых сцен и ролей (так в пьесе появился шут Пассарелло).

Марстон никогда не писал для публичных театров — только для детских трупп, игравших в Блэкфрайерсе и Театре св. Павла. Спектакли в таких театрах обычно были короче (поэтому и потребовалось дописывать сцены для постановки в «Глобусе»). Входной билет был значительно дороже, а зрительный зал — намного меньше и акустика лучше. Отсюда определенный «авангардизм» пьес, предназначенных для крытых театров. В них можно было пародировать спектакли конкурентов и экспериментировать со стилем, а главное — уходить от длинных монологов в стиле [Кристофера Марло](#) и раннего Шекспира, которые к началу XVII века уже воспринимались как анахронизм. В театре, где все роли играли подростки 12–16 лет, не нужно было добиваться эффекта остранения, он появлялся сам по себе. Любая сцена — убийство тирана, диалог возлюбленных, проделки шутов — выглядела как пародия сама на себя, когда текст произносили дети. Актеры, которых было лучше видно и слышно, могли перебивать друг друга, договаривать реплики собеседника, имитируя живой диалог. В переводе я попытался передать эту особенность марстоновского текста с его постоянными повторами и переспрашиваниями.

[Марстон](#) начинал как автор стихотворных сатир, запрещенных к печати в 1599 г., и стиль сатирика ясно виден и в его пьесах. Особенно заметно это на примере традиционного пятистопного ямба. По традиции автор вынужден заканчивать сцены рифмованными двустишиями (нужно подчеркнуть концовку для зрителей и актеров, ждущих выхода в следующей сцене), он не может обойтись

без возвышенных монологов там, где градус пафоса должен повиситься, но делает так, чтобы неудобно изъясняться в стихах было и его героям. Малеволе начинает рассказывать герцогу об измене герцогини пятистопным ямбом, но посылает «рифмы к черту», и продолжает прозой. Когда персонажи говорят стихами, их часто перебивают, вставляют саркастические реплики — так что зритель не может не убедиться, что такая «форма коммуникации» неестественна. Можно себе представить, что это обыгрывалось не только на уровне текста, но и в мизансценах, жестах и мимике актеров.

«Недовольный» — очень странная для современного читателя и одновременно очень современная пьеса. Без примечания, например, читателю вряд ли будет понятно, что монолог Мендозы о достоинстве/недостойности женщины полон аллюзий на шекспировского [«Гамлета»](#). И все же сама условность и странность сюжетных поворотов притягивает читателя. Почему Альтофронт не бежал из потерянного им герцогства, а остался при дворе? Почему он прячется под личиной «недовольного»? Почему герцог не гонит его? Как он умудряется, осыпая всех насмешками и «отвратительной... музыкой» из своих покоев, подчинить себе двор? За этими кажущимися несообразностями стоит новое осмысление власти, мечта и признание того, что власть интеллектуала возможна, что она не так разрушительна и имеет какую-то особую природу, которую Марстон еще не может описать. Или Малеволе просто настолько вошел в роль, что наслаждается «раздором» — «манной для недовольного»? Как бы то ни было, для нас очень актуален опыт Малеволы: как «выключить» себя из общества и максимально задействовать свой критический потенциал, при этом постоянно оставаясь в пределах того же общества, занимая в нем свое место? От современного интеллектуала настолько часто и настойчиво требуют постоянной ангажированности, предлагая в качестве альтернативы лишь роль Тимона Афинского, что иногда поневоле хочется включить погромче «дисгармоничную музыку».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖОВАННИ АЛЬТОФРОНТО, в облике МАЛЕВОЛЕ, некогда герцог
Генуэзский

ПЬЕТРО ДЖАКОМО, герцог Генуэзский

МЕНДОЗА, миньон герцогини, супруги Пьетро Джакомо

ЧЕЛЬСО, друг Альтофронта

БИЛИОЗО, старый холерик-гофмаршал

ПРЕПАССО, церемониймейстер

ФЕРНЕЗЕ, юный придворный, влюбленный в герцогиню Аурелию

ФЕРРАРДО, миньон герцога Пьетро Джакомо

ЭКВАТО и ГЕРРИНО, придворные

ПАССАРЕЛЛО, шут Билиозо

АУРЕЛИЯ, герцогиня, супруга Пьетро Джакомо

МАРИЯ, герцогиня, супруга Альтофронта

ЭМИЛИЯ и БЬЯНКА, фрейлины герцогини Аурелии

МАКРЕЛЬ, старая сводня

КОМЕНДАНТ КРЕПОСТИ

МЕРКУРИЙ, действующее лицо в маске

СЛУГА, ПРОСИТЕЛИ, ПАЖИ, СТРАЖНИКИ

Место действия: Генуя.

*Vexat censura columbas*¹

---

¹ [К воронам милостив суд], но он угнетает голубок (Ювенал, Сатиры II:63).

АКТ I

СЦЕНА I

Дворец герцога Генуэзского.

Наверху слышна отвратительно дисгармоничная музыка.

Входят Билиозо и Препассо.

Билиозо. (кричит на верхний ярус сцены) Что такое? Вы с ума сошли, или пьяны, или и то, и другое сразу?

Препассо. Вы тут что, Вавилонскую башню строите?

Билиозо. Что за шум при дворе? Тут вам не таверна!

Препассо. Или вы думаете, тут бордель? Как здесь плохо пахнет!

Входит слуга с духами.

Духов, духов, и на меня, прошу. Сейчас

Здесь будет герцог — дайте же дорогу!

СЦЕНА II

Входят герцог Пьетро, Феррардо, граф Эквато;

граф Чельсо и Геррино впереди.

Пьетро. Откуда идет эта музыка?

Билиозо. Этот сумбур вместо музыки доносится из комнаты недовольного Малеволе.

Феррардо. (кричит) Малеволе!

Малеволе. (наверху, из комнаты) Кто это там? А, герцогов Ганимед! Юнона завидует твоим длинным чулкам. Что тебе надо, тень женщины? Зачем пришел, проныра? Барашек придворный, что ты там блеешь? Ах ты катамит с гладким подбородком!

Пьетро. Спускайся, пес драный, порычи здесь! Даю полную свободу твоему

угрюмому нраву, бегай и задирай лапу на кого хочешь.

Малеволе. Сейчас спущусь к вам, слизь похотливая, пристану, как смола к тафте, буду растревлять и раздражать вас. Как губка упаду в воду, буду всасывать и впитывать. Повойте пока. Пойду в церковь, а к вам потом (*уходит*).

Пьетро. Этот Малеволе — одно из самых удивительных созданий, которое можно встретить в природе. Человек этот — или скорее, чудовище — озлоблен сильнее, чем Люцифер, когда его сбросили с небес. Ненасытен, как могила — до довольства ему дальше, чем до небес. Нет для него большего наслаждения, чем раздражать других. Он думает, что этим служит небу и убежден, что только раб и отверженный может быть доволен жизнью в этом мире. Вот он и поражает каждого в самое больное место, издеваясь над тем, к чему тот больше всего привязан. В нем борются стихии, его душа в разладе сама с собой, а за его речи Малеволе можно в любой час повесить. И все же, откровенно говоря, мне он нравится: он вразумляет меня и заставляет понять, что лезть скрывает человеческие слабости. Слышите? Поют (*слышна песня*).

СЦЕНА III

Входит Малеволе в нижнем ярусе.

Пьетро. Вон он идет. Сейчас увидите, на что способен недовольный.

Свободен он, как ветер, и дует надо всеми. Ну что, сэр, откуда идете?

Малеволе. Из публичного места, где одно притворство — из церкви.

Пьетро. Что ты там делал?

Малеволе. Говорил с ростовщиком, брал деньги под процент.

Пьетро. А какая же у тебя вера, интересно?

Малеволе. Вера как у солдата.

Пьетро. Как ты думаешь, почему сейчас развелось столько неверных?

Малеволе. Секты, секты. Видел я, как притворная набожность так часто меняла наряды, что разве только какой архи-дьявол сможет для нее придумать новую нижнюю юбку.

Пьетро. А, религиозная политика!

Малеволе. Да черт с этой политической религией! Я устал. Хочу быть одной из герцогских гончих.

Пьетро. А что слышно из-за границы, Малеволе? Ты же, как собака, гоняешься за слухами. О чем там чаще всего говорят?

Малеволе. Чаще всего? Чаще всего говорят: «храни вас Бог» и «прощайте», чаще всего льстят и мошенничают, чаще всего попадают женщины и рогоносцы. — А, мой маленький Феррар, как дела? Зверек ты похотливый! Бегаешь, как хорек по дворцу, воруешь яйца у кур, чтобы их высосать? Все еще не отстал от этих раскрашенных шлюх, за которыми гоняются молодые придворные — от лести, гордости и сладострастия?

Феррардо. Я изучаю языки. Кстати, как ты думаешь, кто сейчас лучший знаток языков?

Малеволе. Пфф! Дьявол, конечно. Предайся ему, пусть он тебя научит гладко и непостижимо говорить на всех языках. Еще бы! Он же по всему миру путешествовал, да и вездесущ.

Феррардо. Кроме двора.

Малеволе. Да, да, кроме двора. (*к Билиозо*) А ты как, куча старого навоза, припорошенная свежим снегом? Получеловек, полукозел, и все равно зверь? Как твоя молодая жена, старый скряга?

Билиозо. Вон отсюда, наглый негодяй!

Малеволе. Давай, пинай меня, мастер Дайте-пожалуйста! Герцогов бык с огромными рогами!

Пьетро. Ты-то как поживаешь, Малеволе?

Малеволе. Я? Как рыцарь сэра Патрика Пенлолианса, убиваю пауков для обезьянки моей госпожи.

Пьетро. Как тебе спалось? Говорят, ты вообще не спишь.

Малеволе. Да нет, сплю, и вижу поразительные сны. О небо! Обман, какой обман!

Пьетро. Сны? И что тебе снится?

Малеволе. Ну вот снилось мне, что один синьор заложил свою попону, а его метресса — свое столовое серебро; что одна мадам принимает лекарство, которое ей приносит некий месье; тут сводника обвешали драгоценными камнями, там у парня вчера не было сменной рубашки, а сегодня уже атласная; тут Парис содержит Елену, там Гиневера — Ланселота: сны, сны, видения, фантазии, химеры, плоды воображения, фокусы, причуды! (*к Препассо*) Сэр Тристрам Тримтрам, давай, лезь на шест, обезьянка! Вот рыцарь из страны Покатито, который сразится в мячик с любым пажом Европы, спляшет танец с саблями вместе с любым танцором морриса, погоняется за кольцом, пока веки не станут синими, как небо, а в скачках за лидером хоть за Помпеем Огромным полетит.

Пьетро. А ты сам бы куда поскакал?

Малеволе. К дьяволу. — А ты, синьор Геррино, из жалкого пленника каким же ты стал отвратительным льстецом? Бедный Чельсо, несчастливая твоя звезда, ты честный лорд — жаль тебя.

Эквато. Жаль?

Малеволе. Конечно, жаль, мой философский Эквато, и еще жаль, что самого тебя искусство сделало таким ученым, а по природе ты смехотворный дурак. — Герцог, у меня к вам есть разговор, пусть они уйдут, пусть все уйдут.

Пьетро. Оставьте нас, оставьте.

Уходят все, кроме Пьетро и Малеволе.

Ну сэр, в чем дело?

Малеволе. Герцог, ты теперь *becco*, ты *cornuto*².

Пьетро. Что?!

Малеволе. Ты стал рогоносцем.

Пьетро. Говори, что знаешь, рассказывай скорее.

Малеволе. Быстро, как акробат.

Пьетро. Кто это? Кто он? Я сейчас лопну от ярости.

Малеволе. Мендоза — тот, кто дал тебе рога.

Герцог, рога тебе наставил Мендоза.

Пьетро. Доказательства? Говори, только короче, короче.

Малеволе. Коротко, как борода у юриста:

Старуха при дворе, зовут ее Макрель —

Любовница моя, она мне рассказала.

Да к черту рифмы, плевать на них! Макрель — хитрая сводня, я — честный

мерзавец, жена твоя — тайная шлюха, а ты — отъявленный рогоносец.

Прощай, герцог.

Пьетро. Постой, постой.

Малеволе. Глупый, глупый герцог, от ленивого терпения и месть будет

хромая. О Боже, женщина делает мужчину совсем другим, чем его

создал Бог!

Пьетро. А чего Бог не создавал?

Малеволе. Рогоносца — такое существо, которому доброта глаза завязала. В

это время любой мошенник может дать ему щелчка в лоб, а у лорда

сзади к спине прицеплен дурацкий колпак с огромными рогами.

Каждый паж смеется над ним, а он узнает обо всем последним:

кинжалы и пистолеты! Кинжалы и пистолеты!

Пьетро. Смерть и проклятие!

Малеволе. Гром и молния!

---

² Вессо, cornuto — рогоносец (итал.).

Пьетро. Месть и мучения!

Малеволе. Cazzo!

Пьетро. О, мщение!

Малеволе. Нет, выбрать среди тысяч дам

Ту, что стоит столь ниже многих
И телом, и душевной красотой;
Забрав из-под родительской опеки,
Соединиться с ней в святом обряде,
Дать власть ей над прекраснейшей природой,
Что выше мира, выше, чем мужчина,
Обнять ее с такой же пылкой страстью,
Как ростовщик свои богатства гладит
(Как будто он не сам их собирал);
Душой с ней слиться в быстром поцелуе,
Заставив сердце биться и гореть,
Быть верным ложу и диетой усмирить
Свой пыл, чтобы вершину наслаждений —

Пьетро. О Боже!

Малеволе. Она ж его придворной болтовней

Лишь распаляет, но не насыщает,
И тает от восторга, что течет
От похоти и жара обладанья;
От странной грубости воображенья
Любовника черты в душе лелеет
И представляет, что на ложе с ним.

Пьетро. Я скорбью до костей пронизан!

Малеволе. А дальше что от этого родится?

Измена часто порождает инцест.

Пьетро. Инцест!

Малеволе. Да, инцест. Смотрите: жена родить Мендозе может дочку. Мендоза умирает, и его сын женится на этой дочери. Говорите, так не бывает? Бывает, и нередко. Не просто возможно, а часто так и получается: невежество, бесстрашное невежество держит в объятиях свою родственницу.

Пьетро. Ужасно представить!

Малеволе. Измена — это же самое страшное преступление после греха симонии, для которого спасения нет.

Пьетро. После симонии?

Малеволе. Да, симонии, грешить которой в следующем веке уже не будут.

Пьетро. Не будут? Почему?

Малеволе. Потому что, благодаря некоторым из духовенства, грешить уже будет нечем. Но измена, о глупость! За нее нужно карать примерно, чтобы у невоздержных кровь в жилах застывала при одной мысли о наказании. Я бы проклял его и все его потомство. Я бы не доверял мечь небу, а сделал все своими руками — все, что угодно.

Пьетро. Все, что угодно, все, что угодно — именно так, Малеволе. Ты сейчас увидишь, какой гнев таится в моей душе. Прощай и помни: я тебя не забуду. Прощай. (*Уходит.*)

Малеволе. Прощайте.

Бесплодное, пустое размышленье
Пусть высосет всю кровь и сна лишит!
Встревоженное сердце страшно мстит.
Кто кровь прольет, тот только жизнь отнимет,
Кто у души отнимет мир, ее низринет.
Под этой маской мне дано, что короли
Не слышат и о чем молчат герои —
Свобода слова! Пусть моя личина
Притворна, но не скован мой язык,

Я говорю, как мог бы император,
Пусть глупо или иногда нечестно,
Да, безрассудно, но зато никто
Мои слова не взвешивает. Тот,
Кто бьет со смехом, бьет наверняка.
О герцог, я тебя измучу. Месть моя
Сорвет твой самый дорогой венец —
Лишь Бог нам ближе, чем покой сердец.

СЦЕНА IV

Входит Чельсо.

Чельсо. Достопочтенный лорд —

Малеволе. О, тише, тише! Чельсо, верный лорд,
Единственный, кому могу открыться,
Один ты из десятка миллионов,
Кто бескорыстно верит в добродетель,
Кому и Опа бы довериться могла —
Перед тобой изгнанник Альтофронт,
Что год назад был герцогом. Не смог
Старинные орудья власти применить я —
Притворство с подозрением. О Чельсо,
Мой трон стоял как будто в центре круга —
Далек от всех, не близок ни к кому.
Я равно правил всеми, и бесстрашно
Ни в ком не сомневался — но толпа
(Искавшая неведомых новинок)
Сурового правленья возжелав,

К Флоренции пристала — и я изгнан!

Чельсо. К Флоренции! Оттуда ваши беды;
За нынешнего герцога, за Пьетро,
Когда дочь замуж выдал Флорентинец,
Все стратагемы применил к вам он,
Пока всего вы —

Малеволе. — не был я лишен.

Увы, Мария тоже в заточенье,
Вернейшая жена и герцогиня.

Чельсо. Я верен вам — восстанем и умрем!

Малеволе. Нет, Чельсо, нет, не стоит подниматься
На падающую башню. Против рока
Отчаянье бессильно. Успокойся.
Надежда, что всегда хранит несчастных —
Она велит мне жить под этой маской.
Неплохо недовольного играю?
Знаешь, мы все философы-монархи
Иль от природы дураки. А двор в огне,
И скоро ложе Пьетро задымится.
Мендоза, тонконюхий лорд, что создал
Союз навек проклятый с Флорентинцем,
Наставил герцогу рога — тот это знает.
Раздор для недовольного — что манна;
Ряды собьются — и в атаку, Альтофронт!

Чельсо. Посмеет ли —

Малеволе. О да, он проглотил все, как лекарство.
Сработает хоть как-то. Подожди же —
Решимость там, где негде падать ниже.

Входит Билиозо, Малеволе меняет речь.

А, отец майских шестов! Видели вы когда-нибудь человека, у которого вся сила в дыхании, вес в должности, вера которого — его господин, а любовь — он сам? Смотрите, вот он.

Билиозо. Синьор, —

Малеволе. Достопочтенный лорд, ваш придворный ночной колпак надет так, что лоб кажется просто огромным.

Билиозо. Я принес вам странные вести, но вы, наверное, их уже слышали: герцог о вас говорит очень хорошо.

Малеволе. Ну так давайте заключим дружбу.

Билиозо. Чтобы поддерживать друг друга?

Малеволе. Да.

Билиозо. Оказывать друг другу добрые услуги?

Малеволе. Именно. Правда, я называл тебя старым быком, отъявленным рогачом, трусоватым грыженосцем, гнилой мумией. Но я теперь в фаворе —

Билиозо. Это же просто слова, для развлечения. Его светлость просил меня передать вам эту цепь на память о — я не знаю, о чем. Может, вы сами поведаете, хотя — дорогой друг, ты знаешь моего сына?

Малеволе. Вашего сына?

Билиозо. Он будет есть тетеревов, плясать джигу, делать поссет и играть в волан с любимым юным лордом при дворе. И леди у него есть премилая, — знаешь, у нее есть маленькая сучка?

Малеволе. Это же кобель.

Билиозо. Поверь, еще та сучка. О, эта такая штучка, ты будешь ее дружкой. Я тебя познакомлю и со своей молодой женой, иначе зачем мне она при дворе! Уже вечер, пойдем ко мне ужинать. Все, что у меня есть, открыто для тебя.

Малеволе. (к Чельсо)

Как гладко смотрит он, коль ты сейчас в чести,

Как он угодлив, если может повезти!
Что польза и природа держат скрытым,
Доступно королевским фаворитам.
Зависть не даст ему насытить жажду,
Пока не лопнет с треском он однажды.

Билиозо. Оставляю вас с самыми наилучшими пожеланиями. Давай установим между нами тесные отношения, взаимно-дружески-обоюдный вид прочно-единодушно-сердечно-союзно-...

Малеволе. Ваше синьорство никогда не видело голубятни? Она снаружи гладкая, круглая и белая, а внутри одни дыры и вонь. Видел, старина?

Билиозо. Да, да, они так и выглядят обычно, и форма у них такая.

Малеволе. Прощай, мой истинный придворный друг, прощай, мой дорогой Кастилио.

Билиозо уходит.

Чельсо. (замечает Мендозу) Вон идет Мендоза.

Малеволе. А, тайный ключ к покоям герцога.

Чельсо. Я покидаю вас, дорогой лорд.

Малеволе. Пора, иди.

СЦЕНА V

Входит Мендоза с тремя или четырьмя просителями.

Мендоза. Оставьте ваши ходатайства, я с ними разберусь, это мое дело.

Обратитесь к моему секретарю, отойдите от меня (*просители уходят*).

Малеволе. А, так, так, Мендоза. Здравствуй, изменник и негодяй.

Мендоза. Вон отсюда, низкородный мерзавец!

Малеволе. Мы все — дети неба, даже если наша мать продавала требуху. Ах ты шлюхин сын, похотливая мартышка! Ты — Эгисф! Слышал про

такого человека по имени Эгисф?

Мендоза. Гист?

Малеволе. Нет, Эгисф. Такой же грязный и распущенный развратник, как и ты.

Мендоза. Вон отсюда, ворчливый негодяй!

Малеволе. Ореста берегись, Ореста!

Мендоза. Вон, нищоброд!

Малеволе. Я еще вернусь.

Мендоза. Ты вернешься?

Малеволе. Да, при воскрешении мертвых.

Зерно в любой грязи, но прорастет.

Король же перед смертью падет. (*Уходит.*)

Мендоза. Наконец-то! О Элизий! Попасть в фавор к властителю так же сладостно, как быть в раю. Боже, какое наслаждение, какая фортуна! О лучшая из жизней! Что нужно делать, как думать и говорить, чтобы быть фаворитом, миньоном? Все за ним наблюдают с робким уважением, торжественно молчат в его присутствии, никого не остается в его отсутствие, за ним тянется смешанный гул и деловой рокот голосов подобострастных просителей. Перед ним поднимают завесу и просят очистить ему путь. Вассалы с прошениями протирают коленями двор, а странные придворные миноги, которые скрещивались со змеями и оттого у них полно глаз с обеих сторон, с притворным смирением уставили на него взоры. О блаженство! Какие захватывающие виды открываются с Олимпа власти! Черт возьми, я сделаю герцога рогоносцем! Милые женщины! Прекрасные леди! Да что там, ангелы! Клянусь небом, кто вас ненавидит или кого вы ненавидите — тот проклят сильнее, чем дьявол. Вы сохраняете человечество, вы — кровь общества! Кто захотел бы жить — нет, кто смог бы жить без вас? О рай! Какое величие в вашей строгой фигуре!

Какое властное целомудрие в вашем еще более скромном лице! Но как восхитительно полно соблазна его прекрасное, капризное, томное, сладострастное выражение! Эти влюбленные улыбки, эти блестящие взгляды, согревающие душу, жаркие, как пламя, которым опалил мир неосторожный Фазтон! Как изящны телом, как остры душой, как богаты речами, как осторожны в жизни, как благоразумны в знаках внимания, как общительны днем, а по ночам как — о невыразимое наслаждение! Поистине правда, что прекрасная женщина — а тем более герцогиня — не заслуживает того, чтобы ей обладал только один. Хоть и без помощи Феба, пойду напишу сонет в похвалу ей! (*Уходит.*)

СЦЕНА VI

Дворец герцога Генуэзского.

Входит Фернезе, ведя Аурелию, за ней Эмилия и Макрель несут ее шлейф в сопровождении Бьянки. Эмилия и Бьянка уходят.

Аурелия. О, неужели это возможно? Мендоза равнодушен ко мне! Может ли быть?

Фернезе. Возможно!

Что странного: тот, кто упился властью,
Стал груб и дерзок — говори, Макрель.

Макрель. Чтобы говорить с чувством, не бесполезными словами, а намного богаче по смыслу, дайте мне серьги с драгоценными камнями, которые сейчас на вас — это нужно для моего задания. (*к Аурелии*) Что до меня самой, все знают, что я могу что угодно устроить (*Фернезе тайно передает Макрели серьги*), к любому могу приспособиться, но когда я услышала, какой он вред причинил вашей драгоценной милости, не могла не оскорбиться. Совершенно ясно, что он страстно любит

Эмилию. Она сказала мне (как вам известно, мы, женщины делимся секретами друг с другом), что когда она отказала ему, потому что он предан вашей дражайшей милости, то Мендоза самым неблагодарным образом отказался от верности вам.

Ферneze. И вас назвал — ну, говори, Макрель.

Макрель. Клянусь небом, назвал ведьмой, сухим печеньем, и бесстыже признался, что любил вас всего ничего.

Ферneze. Ради выгоды.

Макрель. Ради продвижения и наград.

Аурелия. О негодай! Наглый Мендоза!

Макрель. Да еще и самыми черными словами позорит наш пол! О женщинах говорит такое —

Аурелия. Что? Что?

Макрель. Мне стыдно сказать.

Аурелия. Говори, мне приятно ненавидеть его.

Макрель. Когда Эмилия начала бранить его за низкое непостоянство, негодай грязно выругался и сказал —

Аурелия. Что?

Макрель. Нет, это было очень бесстыдно.

Аурелия. Что он сказал?

Макрель. Сказал, что в четыре года все женщины дуры, в четырнадцать — шлюхи, в сорок — сводни, в восемьдесят — ведьмы, а в сто — кошки.

Аурелия. О, безграничное бесстыдство!

Ферneze. А сердце верное несчастного Ферneze —

Как пересохший луг, совсем без тени

Под жарким солнцем в дни звезды собачьей —

Так я горю под взглядом ваших глаз.

Макрель. Горячее сравнение.

Ферneze. Улыбка ваша — рай мой, хмурость — ад,

О сжальтесь! Милость — красоты сестра.
Макрель. Поистине отлично, клянусь Богородицей.
Аурелия. Я полюблю тебя, хотя бы и назло
Мендозе. Значит, ведьма? Ты, Фернезе,
Теперь стал фаворитом герцогини.
Будь верен, не болтлив — опасно это.
Фернезе. Там нет любви, где горло давит страх,
Тому страшна смерть, кто погряз в грехах!
Аурелия. Пользуйся моей благосклонностью. Я сегодня скажусь больной, и
мне нужно будет лекарство, так что глубокой ночью приходи —
Макрель. Приходи к ней в покои, но обещаю, что не осквернишь ее ложа.
Клянись на алмазе!
Фернезе. Клянусь на алмазе. (*Отдает алмаз Макрели.*)
Макрель. И не задерживайся слишком долго. Клянись на рубине!
Фернезе. Клянусь на рубине.
Макрель. И что дверь не скрипнет.
Фернезе. И что дверь не скрипнет.
Макрель. Нет, клянись.
Фернезе. Клянусь кошельком. (*Отдает Макрели кошелек.*)
Макрель. Иди теперь, я пока твои клятвы сохраню у себя. И помни, приходи
ночью.
Аурелия. Сухое печенье! Вон он идет, ничтожный негодяй. (*Входит Мендоза,
читая сонет.*)
Мендоза. Душа красы, модель небес, любви царица —
Макрель. Это он о своей Эмилии.
Мендоза. Природы торжество, на всей земле —
Макрель. Эмилия.
Мендоза. Одно лишь чудо в мире может зреться —
Макрель. Снова Эмилия.

Аурелия. Так что ж, мне слушать про нее? Мендоза!

Мендоза. Как хорошо, что я встретил вашу светлость! Я сочинил страстные строки в честь — (*Фернезе уходит.*)

Аурелия. Вон, негодяй, мерзавец!

О, где были мои глаза? Какой
Обман заставил вдруг тобой плениться?
Какое колдовство взяло? Прочь, прочь,
Сокройся с глаз моих! О, если б я могла
Тебя сильнее презирать! Вон, худшее из зол!
Велит наш разум, чтобы ты ушел.

Уходит вместе с Макрелью.

Мендоза. Женщины! Нет, фурии! Нет, еще хуже — фурии мучат только дурных людей, а женщины и дурных, и хороших. Проклятие человечества! И это их я так восхвалял? А ты, Фернезе, значит попал в фавор и прополз под сорочку? Ну подожди же! О женщины, чудовища по природе, образы ада, проклятие земли! Берутся за что попало, не могут закончить то, что начали, действуют неосторожно и безрассудно, опрометчивы в просьбах, отчаянны в делах, нетерпеливы в страдании, безмерны в желаниях, рабыни своих пристрастий, мастерицы лукавства, постоянны только в непостоянстве, совершенны только в притворстве. Слова их поддельны, взгляды фальшивы, вздохи лукавы, лица притворны, волосы не свои, надежды, которые они воспаляют, обманчивы, даже их дыхание искусственно! Бог их — только плотское желание, а старости и плохой одежды они боятся пуще дьявола. Как еще обругать их!

СЦЕНА VII

Входит Пьетро с обнаженной шпагой.

Пьетро. Заткну тебе я рот, раб-сквернослов!

Молись!

Мендоза. Я забыл молитвы.

Пьетро. Ты умрешь!

Мендоза. Ты тоже. Я с ума схожу от любви.

Пьетро. А я от рогов.

Мендоза. Безмерно схожу с ума.

Пьетро. Чудовищно схожу с ума.

Мендоза. От чего?

Пьетро. Как! Ты, ты мое ложе осквернил.

Мендоза. Я? Успокойся, сядь, сейчас тебе

Открою сердце, словно центру мира —

Ты рогоносец? Но при чем тут я?

Пьетро. Ты, ты, мерзавец, в этом виноват.

Мендоза. Не стоит, раздражаясь второпях,

Терять того, кто оскорбить не мог вас.

Свидетелем немые ночи мне,

Как бдительно и преданно следил

Я за изменником. Дух истины, о виждь,

Как унижался я, как снисходил

До мелких дел — лишь только бы узнать

Всю истину, все средства, все детали —

Кто, где, когда и как вас опозорил!

А мне в ответ: «Ты, раб!» Я заходил

В приватные, запретные покои,

Чтобы следить, кто входит и выходит.

Свидетель небо, клялся все раскрыть —

И я же вдруг теперь под подозрением?

Кто помешал мне?

Пьетро. Может, здесь ошибка?

Мендоза. Ошибка? Мягко сказано — ошибка!

Сходя с ума от подозрения, от меня

Могли бы вы узнать, что знают все.

Но раз мои услуги столь противны,

Тогда найдите сами их в объятых!

Пьетро. Мендоза, знаешь ты: я человек прямой.

Мендоза. Как все рогоносцы. Еще бы у вас волосы на висках от рогов в стороны не торчали.

Пьетро. Скажи мне: слышал я, как ты бранил —

Мендоза. Да, женщин. Сколь же нужно быть холодной,

Чтоб честного и добродетельного мужа,

Собой прекрасного, и доброго, и щедрого,

Так оскорбить и сделать рогоносцем!

Ненавижу всех женщин за это: надушенные простыни, восковые свечи, антикварные столбики на ложе, сорочки из кембрика, предательские пологи, гобелены из арраса, смазанные маслом петли — молчаливые и похотливые свидетели распутства высоких особ. Как спастись от всего этого!

Пьетро. Ты скажешь мне?

Мендоза. Да вы и сами можете узнать, только наблюдайте, наблюдайте.

Пьетро. У меня терпения не хватит. Давай же, расскажи мне.

Мендоза. Хорошо. Что ж, это Фернезе. Это Фернезе, и я это докажу. Сегодня вечером вы его застанете в своей постели. Такого доказательства хватит?

Пьетро. Да, хватит, так спокойней. Ну, до ночи!

Мендоза. Что?

Пьетро. До скорого!

Мендоза. О, как же вы слабы!

Вы думаете, это все?

Пьетро. А что же?

Мендоза. Тогда придется мне дать вам совет.

Поступите так:

Со стражею внезапно вы ворвитесь

В покои герцогини, я же сзади

Останусь охранять входную дверь.

Фернезе побежит — так пропустите,

Его убью я; да, не вы, а я,

И тело там оставлю. Герцогиню

(Из уваженья к вашей добродетели

И к ее роду) — трогать нам нельзя,

Я это знаю. Вот она идет,

Скорблю я о Фернезе, и тем самым

Я сохраняю милость герцогини.

Я знаю ее душу, вы — мою,

И как бы ни желала она мстить

(Изобретательна месть женщин и хитра)

За своего Фернезе — все открою.

Тогда умрет он навсегда — довольны?

В ловушке герцогиня, вы спокойны.

Пьетро. Раз нет другого средства, ну так что ж,

Спасет нас от гангрены только нож. (*Уходит.*)

Мендоза. Кто не может притвориться другом, тот и ненависти к себе не вызовет. Герцог — честный дурак, герцогиня хитра и похотлива, а Фернезе — глупый новичок! Смеюсь над всеми вами! Мой ум трудится, пока не придумает какое-нибудь злодейство, а там внезапный

порыв — явное доказательство, что скоро все будет решено!

Медведица дитя свое лелеет —

И так же месть нас делает мудрее. (*Уходит.*)

СЦЕНА VIII

Дворец герцога Генуэзского.

Входят Малеволе и Пассарелло.

Малеволе. Какая встреча, шут! Ты петь умеешь?

Пассарелло. Да, шут, умею, если ты подтянешь. И еще умею играть на музыкальных инструментах, отвратительно, как настоящий джентльмен. Эх, жаль, что меня не кастрировали! Я бы был толстым шутком в господских покоях, вопящим шутком в таверне и личным шутком для каждой госпожи.

Малеволе. Тебе и так повезло, раз ты попал ко двору, шут. Что это? Одежда твоя вся в тесемках и кружевах!

Пассарелло. Да, как лакеи и сводни, ношу бархат не в знак чести, но в награду за нудную работу. Герцог сейчас в недовольстве, и я его каждую ночь развлекаю, пока он не уснет.

Малеволе. А в чем его проблемы?

Пассарелло. Глаза болят.

Малеволе. Вот не замечал.

Пассарелло. Глаза ужасно болят, как у каждого роконосца, ведь рога корнями прорастают прямо в них. Поэтому у роконосца рога нежные, как глазные яблоки, или как та штука, что у одной женщины на лбу росла двенадцать лет и к ней все было не прикоснуться. Герцог голову повесил, как голубь.

Малеволе. Пассарелло, зачем придворные выпрашивают себе имущество

дураков?

Пассарелло. Да как тот валлиец, который украл камышовую подстилку, когда больше стянуть было нечего — просто чтобы подаяние из моды не выходило.

Малеволе. Нет, это не причина. Ты рассуждаешь как дурак.

Пассарелло. Ну да, маленькими кусочками, как рыцарь, который ухаживает за городской вдовушкой: он и позолоченными шпорами позвенит, и соломенную бороду выпятит, и табачку понюхает. Все это вместе — зеркало его рыцарских достоинств. Нет уж, буду говорить, раз язык понес, как горожанин на лошади скачет — фальшивым галопом.

Малеволе. А как Макрель поживает?

Пассарелло. По правде, я хотел бы ее приветствовать, как солдаты англичанок, когда те впервые приплыли во Флашинг — криком «Шлюха!» Но она от старости уже засохла, словно воск, поэтому я ее каждое утро только спрашиваю, как поживают ее гнилые зубы. Это она изобрела надушенные сорочки и суконные тапочки, чтобы пол не скрипел, когда приходит любовник. Была она когда-то красивой, а теперь кожа на ее лице облезает, как слюда из Московии.

Малеволе. А как твой старый господин? Ума у него достаточно, чтобы быть льстецом, а совести — как у мошенника.

Пассарелло. У него все отлично. Кроме меня, он держит еще пятнадцать шутов. Они его учат своему искусству, а он потом повторяет их шутки герцогу и герцогине. Врет он, как юрист или швейцарец, кто больше денег даст — за того и стоит.

Малеволе. Покороче, я тороплюсь.

Пассарелло. Хорошо, буду как скрипач, когда ему заплатили. — Уверяю вас, он будет процветать, пока юный придворный похож на Страстную Пятницу, которую все ждут с нетерпением, ведь скоромные дни уже близко. В остальное время — он самый тощий и жалкий актер во всем

представлении. До свидания, Малеволе.

Малеволе. (в сторону) О гнусный мир, твоя пустая суета

Покажет мудрым даже этого шута.

Пассарелло. При встрече вы меня легко узнаете.

Малеволе. О да, по этим бархатным одеждам.

Пассарелло. Да, как стряпчего по сумке из клееного холста. Я при дворе попадаюсь так же часто, как губы хозяйки трактира в деревне: все ко мне припадают — рыцари, мошенники и дураки; так что двор без меня не проживет. Прощайте, Малеволе.

Уходят оба.